

А. Д. Дмитриев

К ВОПРОСУ ОБ АГОНИСТИКАХ И ЦИРКУМЦЕЛЛИОНАХ

История североафриканского движения агонистиков достаточно хорошо изучена. В зарубежной литературе, появившейся главным образом в конце XIX и в начале XX в., исследован ход событий, в нашей советской исторической литературе обращено было главное внимание на его социальную сущность¹. Но некоторые моменты этого движения все же остаются еще не освещенными или освещаются, по нашему мнению, исторически неправильно.

В частности, нельзя согласиться с освещением и трактовкой исходных начал движения агонистиков, а также с общепринятым объяснением термина «circumcelliones», который обычно считается специально изобретенным насмешливым названием агонистиков, пущенным в оборот их врагами. В науке установилось мнение, что движение агонистиков организационно и идеологически было связано с донатизмом и даже непосредственно вытекало из него. Это мнение сохраняется до настоящего времени, и оно было принято и нашими советскими историками.

Так, В. С. Сергеев писал: «В самом донатизме имелось несколько течений, отражавших настроение различных социальных групп африканского общества. Наиболее радикальное левое крыло составляли циркумцеллионы»².

Точно так же Н. А. Машкин самое появление агонистиков ставит в прямую связь с возникновением донатистского раскола и идейными руководителями их считает донатистское духовенство. «Донатизм,— пишет он,— помог идеологическому оформлению движения агонистиков»³. «Бродячие священники, беглые рабы и колонны распространяли учение донатистов по отдаленным поместьям, где оно послужило толчком к оформлению аграрного движения»⁴. «Все эти проповедники примкнули к донатизму. В результате к 30-гг. IV в. в южной Нумидии скопилась масса

¹ См. Н. М а ш к и н, Движение агонистиков, «Историк-марксист», 1935, № 1, стр. 28—52, где указаны все источники и основная новейшая литература по этому движению; В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, М., 1938, стр. 721 сл.; А. В. Мишулин, История древнего Рима, М., 1946, стр. 306—307; Р. Ю. Виппер, История средних веков, М., 1947, стр. 48.

² В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 721.

³ Н. М а ш к и н, Агонистики или циркумцеллионы в кодексе [Феодосия, ВДИ, 1938, № 1, стр. 92.]

⁴ Н. М а ш к и н, Движение агонистиков, стр. 33.

людей, доставлявших большие неприятности владельцам поместий и ростовщикам этого края. Противники донатистов прозвали их циркумцеллионами (там же, стр. 35).

И еще: «В каком отношении стояли к донатистам агонистики? Отрывать эти два течения у нас нет никаких оснований... Мы можем считать агонистиков радикальной и наиболее активной группой донатизма со своей особенной организацией» (стр. 50). Может быть, укоренению такого взгляда на появление агонистиков весьма способствовало то, что все главные и почти единственные источники о них мы черпаем исключительно из антидонатистских произведений церковных ортодоксов IV—V вв., у которых, помимо скудости сведений о движении агонистиков, мы находим тенденциозный подбор материала и крайне извращенную общую характеристику движения.

Агонистики в этих источниках как бы тонут и растворяются в донатизме, с которым, как известно, ортодоксальные церковные писатели вели непримиримую и ожесточенную борьбу в первую очередь. И в этой борьбе они интересовались агонистиками только в той мере, к какой последние могли скомпрометировать их врагов. Главный враг донатистов Августин на посрамление своих противников постарался тесно связать агонистиков с донатизмом и перенес на них название *circumcelliones*.

Однако тщательный анализ источников показывает, что в действительности агонистики ни организационно, ни, тем более, идеологически не были связаны с донатизмом. Это были два совершенно различных по идеологии, по организации и по своей социальной направленности движения. Они только протекали одновременно, хронологически связывались и политически временами сливались одно с другим. Но всегда и при всех обстоятельствах они имели совершенно различные интересы и преследовали совершенно различные цели.

Если донатизм являлся выражением протеста различных слоев африканского общества против нивелирующей силы римского господства, то движение агонистиков было чисто революционным движением, отражавшим чаяния угнетенных масс и выражавшим протест этих масс против социального гнета, откуда бы он ни исходил. Если в донатизме мы видим чрезвычайно пестрый социальный состав, начиная от крупных землевладельцев и рабовладельцев—римской и туземной аристократии, торговцев-ростовщиков, епископов—и кончая мелкими свободными земледельцами, ремесленниками, колонами и даже рабами, шедшими за своими владельцами-донатистами, то социальный состав агонистиков был классово однороден. Это эксплуатируемая масса, преследовавшая ярко выраженные цели передела земли и освобождения от рабства, от долгов и долговой кабалы.

Нельзя, конечно, отрицать, что главари донатистов—епископы в своей ожесточенной борьбе с ортодоксами использовали движение агонистиков и часто опирались на них. Но всякий раз, когда эти временные союзники донатистов посягали на существовавшие в Африке имущественные отношения, донатисты не только порывали с ними и осуждали их, но и предавали, призывали на помощь римскую власть.

В данном случае, как справедливо замечает М. Юнг, донатистские епископы поступали с агонистиками, как Лютер в XVI в. поступил с восставшими крестьянами¹. В обоих случаях религиозные реформаторы боялись восстания угнетенных масс, которое могло нанести ущерб и им. И когда они видели, что призванные ими союзники объявляли войну

¹ M. J u n g, Die romanischen Landschaften des röm. Reiches, 1881, стр. 179.

всему социальному порядку, они призывали на помощь против них все силы этого порядка, чтобы их подавить и искоренить.

«Перед лицом революции,—говорит по этому поводу Энгельс,—все старые раздоры были забыты... горожане и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединились против крестьян»¹.

Поэтому мы считаем исторически неверным связывать организационно эти два разнородных по своей идеологии и по своим целям движения и выдвигать положение, что агонистики представляли собой «радикальное крыло донатистов».

Мы считаем, что самое появление агонистиков в Африке следует отнести ко времени, гораздо более раннему, чем возникновение донатистского раскола. Судя по всем данным источников, первоначально агонистики представляли собой одну из раннехристианских демократических сект, в которых были особенно сильны хилиастические и монтанистические традиции раннего христианства.

Здесь, в Африке, может быть, еще быстрее и шире, чем в других римских провинциях, распространились и укоренились эти традиции. Недаром церковные писатели, сочувствовавшие монтанизму, Тертуллиан и Лактанций были родом из Африки. Недаром Коммодиан именно на почве Африки создал свою блестящую поэму о гибели мира и наступлении царства Христа, которая по богатству фантазии и ярким краскам далеко оставляет за собой все подобного рода трактаты и картины, рисуемые его современниками. Точно так же и другой африканец Лактанций не менее ярко изобразил все великолепие мессианского царства, которое, по его словам, должно наступить после ниспровержения Римской империи и воздаяния тем, «которые не ведали правосудья божьего»².

«Там будет земля, одинаковая для всех, жизнь—общая, богатство станет ненужным, не будет больше нищего и богатого, господина и раба, великих и малых царей и вельмож, но все будут равны» (Ibidem, VII, 24).

Не подлежит сомнению, что христианская пропаганда, проникнутая хилиастическими идеями, должна была оказывать могущественное влияние на те слои населения провинций, на которые с особой тяжестью давило римское государство. Она заставляла их с особенной силой почувствовать свое тяжелое положение, сознавать нетерпимость его. Вера в близкое пришествие Христа, за которым последует расправа с ненавистным миром угнетения и порабощения, надежда на грандиозную катастрофу, после которой откроется новый, лучший мир, должна была находить конкретное воплощение в народных сердцах.

Неудивительно, что в северной Африке там, где утвердилось римское влияние, пропаганда христианства шла весьма успешно. Исследователи отмечают, с какой быстротой распространялось христианство в римской Африке. Уже в начале III в. христианство было широко распространено в Нумидии и Мавритании³. В условиях свирепого военного режима и гнета туземцы с энтузиазмом встречали эту «религию рабов, изгнанников, отверженных, гонимых и угнетенных»⁴, которая провозглашала близкое наступление божьего царства с его равенством всех людей, с его социальной справедливостью. Но очень скоро приходило разочарование. И по

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1939, стр. 48.

² Lactant., Instit. divin., VII, 16.

³ А. Гарнак, Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, В. II, Leipz., 1906, стр. 238.

⁴ Ф. Энгельс, Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», К. Маркс, и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367.

мере того, как все более и более утверждался антидемократический дух в христианской церкви и ее верхи выказывали все явственнее в своих действиях и в своих сочинениях оппортунизм по отношению к империи со всеми ее порядками, массы туземцев отходили от бюрократизирующейся церкви и образовывали свои сектантские демократические общины. Сближение руководителей христианских общин с «языческим» Римом и их «омирщение» возбуждали глубокое недовольство в массах африканских христиан. Это недовольство отразил в своих сочинениях карфагенский епископ Киприан, у которого мы находим резкие жалобы на «омирщение» церкви¹.

В то же время гонения Деция (249—251) и Валериана (253—260) еще более углубили разнь внутри африканских христианских общин. Во время гонения Деция высшее духовенство и наиболее влиятельные и богатые христиане или скрывались, или становились отступниками. В Сатурне, втором городе проконсульской Африки, епископ Репост сам пришел в языческий храм и привел с собой клириков и часть мирян². Епископ Ассур Фортунат и два других африканских епископа Иовин и Максим также принесли жертвы богам (*ibid.*, *epist.*, 55 и 64).

На христианскую бедноту это бегство и отступничество производило глубокое впечатление. Множество простых людей ушло навсегда из общин, а те, кто остался, проявили величайшую непокорность бежавшим епископам.

На расстоянии времен, сквозь туман агиографических источников трудно дать подробное описание событий, происходивших внутри африканских христианских общин в связи с гонениями Деция и Валериана. Но несомненно одно. В то время как епископы и богатые слои христиан бежали или отрекались от веры, христианская масса была охвачена сильным религиозным возбуждением. Появились новые вожди, вышедшие из народа. Они увлекли за собой массу под лозунгом мученичества.

Окруженные ореолом святости и мученичества, эти вожди стали во главе движения против епископата. Их готовность пролить свою кровь в борьбе против языческого Рима влекла к ним массы, стоявшие даже вне христианского движения. Эти туземные простые люди, согнанные с земли, разоренные и пораженные, легко поддавались энтузиазму христианских сектантов. Буйная и неформленная ненависть к римским колонизаторам сосредоточивалась у них на идее мученичества и на культе мучеников. Этот культ мучеников имел характер какого-то болезненного, фанатического исступления, переходившего в «жажду мученичества», что в тех условиях являлось лишь своеобразной формой протеста против существующего строя.

Эти мученики, проклинавшие языческий Рим и бунтовавшие против него, были бесконечно далеки от епископов и руководителей бюрократизирующейся африканской церкви. Они, действительно, становились в христианских общинах большой силой, пока епископская знать не подавила этого движения. Иллиберский (Эльвирский) собор в 305—306 гг. окончательно осудил практику добровольного мученичества. Шестой канон этого собора запрещал провозглашать мучеником того, кто «кощунством и богохульством» навлекал на себя ярость «язычников».

Так произошел внутренний переворот в африканской церкви. Добровольное мученичество было осуждено и изгнано из практики церкви.

¹ Киприан, О падших, об одежде мучественниц, Творения Киприана, изд. 1-е, ч. II, стр. 135, 146, 147.

² Cyprian, *epist.* 64.

Но оно осталось в народившихся сектантских демократических общинах и сделалось одной из самых характерных черт африканских сектантов.

Эти сектантские общины, по нашему мнению, и были начальным этапом движения агонистиков.

Действительно, нельзя отрицать, что в антидонатистских сочинениях агонистики IV—V вв. являются перед нами со всеми характерными чертами еретиков раннехристианских демократических сект. Они лишь в новых условиях и в новой социальной обстановке продолжали традиции этих сект.

И прежде всего—традицию добровольного мученичества. Это находилось в теснейшей связи не с донатизмом, а с монтанистическими воззрениями, отражавшими идеологию антиепископальных демократических элементов в раннем христианстве. Исповедание веры во время гонений, мученичество за веру монтанисты считали величайшей добродетелью. Тертуллиан, сам сочувствовавший монтанизму, писал: «Не желайте умирать на своих постелях в муках рождения или в лихорадке, но желайте умереть мученической смертью»¹. Опат Милевитский и Августин, как известно, неоднократно отмечают и осуждают эту «жажду мученичества» у агонистиков.

«Это были люди, — писал Опат, — того самого рода, которые в стремлении к ложному мученичеству сами на свою погибель вызывали на себя губителей (*sibi percussores sub cupiditate falsi martyrii, in suam perniciem conducebant*). Поэтому и были среди них такие, которые бросались с вершин высоких гор, сбрасывая свои дешевые душонки»². Но и все другие характерные черты социальной системы агонистиков IV—V вв. ведут нас не к донатистам, а к раннехристианской традиции II—III вв. Они называли себя «святыми» (*sancti*), «воинами Христа» (*milites Christi*), «подвижниками» (*agonistici*)—все это традиционные названия членов раннехристианских общин. Названия *milites Christi*, *agonistici* объясняются тем, что члены раннехристианских общин считали, что они призваны «состязаться» в борьбе с противником Христа—дьяволом и преодолевать его. Тертуллиан называл христиан «воинами Христа» и утверждал, что военная служба неприлична им³. Коммодиан часто говорит о христианах как о «состязующихся» в борьбе с дьяволом⁴ и одно из своих наставлений специально посвящает «*militibus Christi*». И Августин прямо говорит: «Их называют агонистиками... Называем мы их так, говорят, из-за их подвига, состязания (*propter agonem*). Ведь они подвизаются, а апостол говорит: «подвигом добрым я подвизаюсь»⁵ (II Кор., 1,4). Поэтому, те которые подвизаются против дьявола и преодолевают его, называются воинами Христовыми, агонистиками»⁶.

Продолжая традиции раннехристианских демократических сект, агонистики IV—V вв., как это ясно видно из антидонатистских сочинений, также предавались аскетизму и отвергали брак. Они также проповедова-

¹ Tertull., *De fuga in persecut.*, 3; cp. *ibidem*, 10: *Moriatur quoquo modo, aut victor, aut victus. Nametsi negando ceciderit, cum tormentis tamen proeliat. malo miserandum, quam erubescendum. Pulchrior est miles in proelio amissus, quam in fuga salvus*; cp. *Ad martyr.*, 2.

² Optat., III, 4; Русск. перев. см. А. Р а н о в и ч, *Первоисточники по истории раннего христианства*, М., 1933, стр. 180; cp. Augustin., *Contra Gaudent.*, I, 28, 32, *epist.* 185, 3, 12; 4, 15, 2, 8, 88, 8, 204, 1, 2, 5, *Ad Donat. post. collat.*, 17, 22, *Contra Gaudent.*, I, 22, 25; 27, 30, 31; Theodor., *Haeres.*, IV, 6 (*Migne P. Gr.*, t. 83, стр. 423); *Isidor.*, *Hisp. Originum*, VIII, 5.

³ Tertull., *De corona militis*, II.

⁴ Commod., *Instruct.*, I, 29, 13; II, 20, 3.

⁵ Commod., *Instruct.*, II, 12.

⁶ August., *Enar. in psalmo*, 132, 6; cp. *Epist.* 108, 6, 18; Optat., III, 4.

ли возвращение к первоначальному «истинному» христианству и также отрицательно относились к собственности. Идея равенства всех и общности имущества также, несомненно, лежала в основе их учения, как это ясно видно из всей их дальнейшей практики. Отрицая собственность и проповедуя нестяжание, они сами жили в строгой бедности, не имели ни собственных домов, ни какого-либо достатка, ни запасов на завтрашний день. Они добывали себе пропитание подаянием, и, считая себя «странниками и пришельцами» на земле, они не имели никакого постоянного местожительства и никаких определенных занятий. Переходя с места на место, они бродили по селениям, по полям и дорогам, по горам и лесам, проповедуя свое учение, вовлекая в свои общины новых адептов.

Римское господство, обострявшее классовые противоречия, доставляло общинам агонистиков много новых приверженцев. Число их должно было особенно возрасти во второй половине III в., когда свободные мелкие собственники — туземцы почти совершенно исчезли в Африке. Земли, которые прежде принадлежали туземным племенам, были расхвачены и распределены между доменами императоров и поместьями римской и туземной аристократии. Африканец Арнобий в конце III в. говорил уже о «целых провинциях», сделавшихся владением одного лица¹. Прежние свободные земледельцы частью были вытеснены в малоплодородные пустынные и горные местности, частью остались сидеть на захваченных землях на положении колонов и рабов. И к ним пришли теперь разорение, порабощение и нищета.

Аграрные отношения осложнились невыносимой фискальной системой и произволом римской администрации, что еще более ухудшало положение трудящихся масс. Именно эта земельная экспроприация, эти непосильные бремена податей и общий свирепый режим доставляли общинам агонистиков многочисленных приверженцев. Беглый трудящийся люд быстро пополнял их ряды в это тяжелое время. Угнетенные массы шли к этим странствующим беднякам так же, как и они, становились воинами Христа, борцами за ниспровержение дьявольского мира и за торжество «святых» на земле.

Сила еретических движений и состояла в том, что они отвечали революционным тенденциям широких масс, угнетаемых римскими порядками, давая идеологическое оформление их бунтарским, стихийным и неорганизованным порывам к освобождению. Через эти сектантские демократические общины христианство идеологически и организационно связывалось с теми революционными элементами, которые выделяло из своей среды римское рабовладельческое общество в Африке.

Вместе с тем это было время не только быстрого количественного развития общин агонистиков, но и качественного их видоизменения. Эти общины окончательно оформляются как революционные организации угнетенных масс. Мир не только с его языческим культом, но также и со всем его социальным строем стал для агонистиков царством дьявола. И они стали предпринимать агрессивные посяательства на этот социальный строй, намереваясь осуществить царство Христа на земле. Эсхатологические упования переносились этими странствующими толпами немощных бедняков на реальный мир, и они смотрели на себя как на мстителей социальной несправды. Проповедь нестяжания и отрицания собственности сменилась теперь проповедью истребления нечестивых слуг дья-

¹ Arnob., Adv. gentes, II, 40: quamvis provincias totas rus facerent unum; cp. Frontin., De contr. agr., p. 53: Africa, ubi saltus non minores habent privati quam res publicae territoria, quin immo multis saltus longe majores sunt territoriis.

вольского римского мира и приготовления таким путем торжества свя-
тых на земле.

Нельзя думать, что агонистиков еще не было в III в., только потому, что их нет в это время в дошедших до нас источниках. Ведь не внезапно же появились они в начале IV в. Историки задумывались над этим вопросом—в какое время появились они? И многие склонялись к тому, что агонистики существовали в Африке еще до возникновения донатистского раскола¹. Во всяком случае не подлежит сомнению, что угнетенные массы Нумидии в половине III в. уже вели ожесточенную борьбу против социального гнета под религиозными христианскими лозунгами. В это время они часто выступали в союзе с независимыми и полунезависимыми племенами берберов и мавров, постоянно вторгавшихся в оккупированные Римом области Африки. Риму, несмотря на все усилия не удавалось покорить эти свободолюбивые племена. Они оставались грозной и враждебной Риму силой на протяжении всей границы римских владений и вели неутомимую борьбу, не прекращавшуюся в течение веков.

Часто неустрашимые отряды берберийских всадников неуловимо проскальзывали между римскими охранными постами и вторгались далеко в глубь страны. Нумидийские города Калама, Тагаста, Мадавра, Октава, Милев, Цирта, Сигус, Тевеста, Багаи, Ламбеза, Тамугады, т. е. те города, которые, согласно позднейшим источникам, были главнейшими очагами движения агонистиков, весьма часто подвергались их нападениям: Начиная с правления Максимиана (238 г.) и вплоть до Диоклетана, источники отмечают эти вторжения в Нумидию, которые в условиях Африки принимали характер восстаний против римских оккупантов, сливаясь с народной освободительной борьбой². В союзе с этими «варварами» шли и христианские угнетенные массы, эти *milites Christi*, во имя победы над дьяволом провозглашавшие священную войну рабовладельческому миру.

Фантастическое отражение этих событий мы можем находить в христианской агиографии.

Конечно, с исторической точки зрения африканские жития бесчисленных донатистских мучеников не имеют большой научной ценности и не являются подлинными. Но в них все же запечатлелась покрытая густым слоем фантастики та идеология борьбы и мученичества, которой были пропитаны бедные воины Христа. Переполненные огненными видениями, страшными пытками и казнями, насыщенные иступленной жаждой мученичества, эти жития, несомненно, отражают часть той революционной борьбы, которую вели в Нумидии, надо полагать, агонистики.

Так, мы знаем, что в 260 г. римский офицер Кв. Гаргилий, начальник вспомогательной кавалерии, сражался с вторгнувшимися племенами кабиллов в районе *Auzia (Aumale)* и, захватив в плен знаменитого вождя кабиллов Фараксана, предал его смерти. После этих успехов Гаргилий от-

¹ См. Н. Кутепов, Раскол донатистов, Казань, 1884, стр. 38; F. Ribbeck, *Donatus und Augustinus, oder der entscheidende Kampf zwischen Separatismus und Kirche*, Elberfeld, 1858, стр. 123—124; Е. Трубецкой, Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в., ч. I, М., 1892, стр. 117; B. Indemann, *Der heilige Augustinus*, B. II, стр. 393; D. Völter, *Der Ursprung des Mönchtums, Tübingen*, Leipzig., 1900, стр. 41 сл.; F. Martroye, *Gens éric, La conquête vandale en Afrique et la destruction de l'Empire d'occident*, Paris, 1907, стр. 18; ср. В. Болотов, Лекции по ист. др. церкви, т. II, СПб., 1910, стр. 406.

² См., например, *CIL*, VIII, 9045; «*Ephem. épigr.*», V, 953; V, 752; *AEp.*, 1936, № 53; ср. выражение «*barbari rebelles*» в одном отрывке надписи в *AEp*, 1928, № 38.

правился для соединения с войсками легата Нумидии, но попал в засаду, организованную варварами, и погиб¹.

Немного позднее кабилы, населявшие горный массив Бабора, вторглись в окрестности Милева (Milev) и опустошали римские владения до самой южной границы Нумидии. Легат К. М. Дециан, пропретор Нумидии, с большим трудом рассеял их².

Очевидно, эти события отражает «Passio S. S. Jacobi, Mariani et aliorum plurimorum martyrum in Numidia». В рамках житийного трафарета, смешивая исторические факты с фантастикой, «Passio» рассказывает об участии христиан в этой борьбе. Это обстоятельство заставило легата К. М. Дециана начать жестокие гонения на христиан.

Преследование велось по-военному³. Против христиан были брошены не только полицейские силы, но и солдаты, стоявшие в Ламбезе⁴. Магистраты с помощью солдат искали христиан, бросали их в тюрьму, где подвергали допросу и пыткам, а затем отсылали захваченных с письменным рапортом в Ламбезу—резиденцию легата.

В это же время через Нумидию проезжали три христианина—Яков, Мариан и третий, не известный по имени. Во время пути Мариан уснул в телеге и видел во сне юношу в огненном сиянье, бросившего ему и Якову два красных пояса. Неизвестно за что они были схвачены солдатами и водворены в Мугуасе (Miguas), около Цирты, на хуторе, где находились другие христиане.

Через два дня римский центурион в сопровождении отряда солдат захватил еще группу христиан, которые собрались на хуторе. Все они, как заговорщики, были отправлены в Цирту, где муниципальные магистраты бросили их в тюрьму, пытали и мучили их. Затем они были отправлены в Ламбезу на суд легата и через несколько дней казнены со множеством других христиан. Их привезли на берег реки на одну небольшую равнину, окруженную холмами. Осужденных было множество. Их поставили в ряд, завязали им глаза, а затем палач пошел перед рядом, отрубая постепенно одну голову за другой.

В своем экстазе мученики Ламбезы перед казнью видели во сне «белых всадников», мчавшихся на белых конях, и слышали гулкий топот и дикое ржанье коней⁵. Белые всадники спустились внезапно с гор, и их вели четыре шейха во главе с вождем. Выведенные на место казни, Яков и Мариан проклинали судей, накликали на империю чуму, землетрясения, голод и предсказывали скорую победу белых всадников на белых конях.

Трудно базироваться на этом житии, так как мучение Якова, Мариана и множества других христиан не может рассматриваться нами как исторически достоверное. Но все же нет ничего невероятного в том, что множество христиан погибло за участие в восстании во время вторжения кабиллов, и это нашло свое отражение в житии.

¹ E. Mercier, Histoire de l'Afrique septentrionale, t. I, Paris, 1888, стр. 115; ср. CIL, VIII, 9047.

² CIL, VIII, 7824. В память этой победы К. М. Дециан посвятил в Ламбезе надпись Юпитеру и всем богам.

³ «Acta sanctorum», ed. Ruinart, стр. 226: Praesidis furor per militares manus requirebat.

⁴ Это были, вероятно, солдаты legio III Augusta, который с 253 г. стоял в Нумидии, см. CIL, VIII, стр. XX—XXI.

⁵ «Passio», 22: quod sibi apparerent equi desuper niveo colore candentes, quibus inveherentur juvenes candidati et exauditos equorum fremitus ac sonos recognoscerent.

Согласно церковной традиции, в эпоху гонений III в. в Африке кровь христиан лилась потоками, и эта кровь, как видно из африканских житий, по преимуществу была кровью поработенного туземного населения. Весьма многие имена, отмечаемые в житиях, показывают, что это были простые люди—свободные или рабы. Namphamo¹, Nartzalus, Cittino, Jader, Mettun, Ahymnus, Baric, Nangedde, Gudden, Miggin, Lucitas, Sanae и много других подобных имен обнаруживают, что эти берберы-христиане были плебей или рабы. Speratus, Donata, Secunda, Vestia, Revocatus, Felicitas, Saturninus, Secundulus, Tertius, Dinocrates, Satorus, Lucundus, Rusticus, Artaxius—все это, возможно, рабы².

Для нас имеет важное значение тот факт, что агонистики времен Августина преемственно связывали себя с этими мучениками и почитали их как борцов, погибших за дело бедных и угнетенных, и память о них долгое время жила среди агонистиков.

Языческий ритор Максим из Мадавы в письме к Августину от 390 г. бросает упрек христианам в том, что они вместо «бессмертных богов» поклоняются бесчисленному числу «смертных, потерпевших справедливую казнь за свои злодеяния при жизни». Представитель античной философии и религии питает отвращение к этим мученикам с берберийскими именами, которые у христиан заступили место древних богов и которые в его глазах были все государственными преступниками, казненными по заслугам.

«Кто может стерпеть, чтобы Юпитеру-громовержцу предпочитали какого-то Мигдона, Юноне, Минерве, Венере и Весте—какую-то Санаю, а всем бессмертным богам—о, ужас,—архимученика Намфамо и бесчисленных других с их ненавистными богам и людям именами, которые в сознании нагроможденных ими нечестивых преступлений потерпели под видом славной смерти конец, достойный их гнусных нравов и действий. Их-то пепелища, покинув храмы, забыв могилы предков, глупые люди посещают»³.

Агонистики IV—V вв. окружали почитанием именно этих мучеников, и это почитание в их традиции сохраняло свой особый классовый смысл. У могил своих братьев по классу, погибших за дело свободы, они часто собирались и устраивали поминки (convivia), против которых так вооружался Августин, изображая их в виде каких-то пьяных и развратных оргий⁴.

Вряд ли в данном случае имеются основания выводить этот культ мучеников из языческих обрядов и обычаев берберийских племен, как это полагает Гзелл⁵. В данном случае идеология культа мучеников у агонистиков имела под собой уже другую основу и они вкладывали в этот культ совершенно другое осмысление, не связанное со старыми языческими обрядами магического оплодотворения земли. Агонистики просто почитали останки тех, которых народная традиция считала такими же «воинами Христа», такими же борцами против дьявольского мира, какими являлись и сами они.

¹ Культ Namphamo получил в Африке большое распространение в народе, и имя это было весьма употребительным, как показывают надписи; см. L. R e n i e r, *Inscriptions d'Algérie*, 1030, 1761, 935, 3601, 3608, 3609, 3632, 3777, 3954.

² А. H a r n a c k, указ. соч., стр. 237, 238, прим. 1.

³ A u g u s t., *Epist.* 101, 16.

⁴ A u g u s t., *Sermo* 355, 4: *istum tam sanctum locum ubi jacet tam sancti martyris corpus invaserat pestilentia et petulantia saltatorum. Per totam noctem cantabantur nefaria*; ср. *Contra litt. Pet.*, I, 24, 26; *Contra ep. Parm.*, I, 24, 26; *De unit cath. eccl.*, 19, 20; *Concil. Carthag.* 400 an., can. 60.

⁵ G s e l l, *Histoire ancienne de l'Afrique*, VI, стр. 129, 130, 140; ср. Н. М а ш к и н, указ. соч., стр. 42.

Другой вопрос, на котором мы считаем необходимым остановиться, касается термина *circumcelliones*. Исторический смысл этого термина не выясняется в существующей литературе, и все исследователи ограничиваются только кратким замечанием, что название *circumcelliones*—это оскорбительное прозвище, данное агонистикам их противниками на том основании, что толпы агонистиков «бродили вокруг деревенских клетей».

Вот известное место из сочинений Августина, в котором он, обыывая агонистиков циркумцеллионами, дает этимологию этого слова:

«*Quis nescit hoc genus hominum in horrendis fascinoribus inquietum, ab utilibus operibus otiosum, crudelissimum in mortibus alienis, vilissimum in suis, maxime in agris territans, et victus sui causa cellas circumiens rusticanas, unde et circumcellionum nomen accepit, universo mundo poene famosissimum Africani erroris opprobrium*»¹.

На основании этого места за агонистиками в буржуазной литературе твердо упрочилось название циркумцеллионов, и между обоими названиями обычно не усматривается никакого различия по существу. Считают, что термин *circumcelliones* наши источники применяют только по отношению к агонистикам.

А между тем, в действительности, этот термин был перенесен на агонистиков совершенно случайно и у того же Августина, равно как и у донатистов, а также во всей церковной литературе IV—V вв. обозначал, собственно говоря, совершенно другую категорию людей, обозначал, именно, определенную конфессиональную группу лиц, по своей социальной сущности не имевшую ничего общего с агонистиками. Вот почему Августин по поводу этого названия в своей полемике с донатистами говорил: «может быть, скажут: наши (т. е. донатисты) не называют их циркумцеллионами. Это вы (т. е. ортодоксы) зовете их таким пренебрежительным именем. Их же называют агонистиками»².

Действительно, пренебрежительным именем *circumcelliones* в африканской церковной литературе IV—V вв. обычно называли толпы бродячих монахов, не желавших подчиняться правилам общежительных монастырей. В других странах их называли еще цирцеллионами (*circelliones*), цирквиторами (*circuitores*), гировагами (*gyrovagi*), сараваитами (*sarabaitae*) и ремоботами (*remobothae*).

Это монахи, не организованные и не объединенные по типу церковного монашества в киновиях. В то время как в киновиях, учреждаемых ортодоксами, церковные руководители вводили строгие правила дисциплины, за нарушение которых наказывали часто жестоким бичеванием, калечением, а иногда выкалыванием глаз или бросанием в подземную тюрьму (яму), множество монахов, избегая суровых правил общежительной жизни, отказывались от проживания в киновиях и толпами бродили по городам и селениям, буйствовали, выпрашивали подаяние, продавали ложные реликвии.

Говоря словами Августина, бродяжничество, отсутствие определенного местожительства составляло одно из характерных отличий таких монахов от ортодоксального церковного монашества, организованного в конгрегации. Таким-то монахам церковные ортодоксы в Африке и усвоили пренебрежительное название *circumcelliones*.

Augustin, *Enarratio in psalmo 132*, 3: *circumcelliones dicti sunt qui circum cellas vagantur: solent enim ire hac atque illac, nusquam habentes sedes*. Глоссатор XI в. Папий так говорит о циркумцеллионах: *Circumcel-*

¹ August., *Contra Gaudent.*, I, 28, 32.

² August., *Enar. in psalmo 132*, 6.

liones dicuntur qui sub habitu monachorum usquequaque vagantur¹. Они, по словам Августина, отличаются от ортодоксально-церковных монахов, как *vagantes* or *congregati*. Им противно самое имя монаха, «quia nolunt cum fratribus habitare in unum»².

Современники Августина Иоанн Кассиан (ум. 435 г.), Павлин Ноланский (353—431 гг.) и Иероним также говорят о таких монахах.

Кассиан, основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни, в своих «Collationes» говорит о многочисленности таких бродячих толп монахов, наполнявших восточные и западные провинции империи при императоре Валенте (364—378 гг.). Он называет их «самым ужасным и неверным родом монахов» (*deterrimum et infidele monachorum genus*), «вредным насаждением» (*plantatio rediviva*). «Они никак не принимают благочиния киновийского, не подчиняются воле старцев, не принимают их наставлений, не учатся отсекаать свою волю..., не остаются в своих жилищах, связанные теми же занятиями, или, строя себе особые кельи и называя их монастырями (*aut construentes sibi cellulas easque monasteria nuncupantes*), живут самочинно, по своей воле... и имеют дерзновение выходить, куда бы им ни вздумалось, побродить и делать, что угодно»³.

Кассиан указывает и на другой род бродячих монахов, которых он называет гировагами. «Они всю свою жизнь бродят по разным странам (*qui tota vita sua per diversas provincias vagantur*), по три и по четыре дня гостят в домах разных лиц (*ternis aut quaternis diebus per diversorum cellas hospitantur*), всегда шатаются, никогда не оседают прочно, но всегда и везде ищут удовольствий по чревоугодию (*semper vari et nunquam stabiles, sed semper et ubique propriis voluptatibus et gulae illecebris servientes*)⁴. Павлин Ноланский в своей поэме «Ad Cytherium de naufragio Martiniani» так изображает их:

*Qualia vagari per mare et terras solent
Avara mendicabula,
Qui dijerando, monachos se vel naufragos,
Nomen casumque venditant*⁵.

Иероним описывает их под местным, палестинским названием ремоботов⁶, а Нил Синайский в письме к архимандриту Никону сетует, что все города и села наполнены бродячими монахами, «которые понапрасну и без цели бродят, встречая везде неуважение и холодность». «Все домохозяева смущаются и поистине огорчаются самым зрелищем, видя, что монахи бесстыднее нищих не отходят у них от дверей»⁷. Против таких толп бродячих монахов были направлены неоднократные постановления различных церковных соборов, как, например, Африканского собора

¹ См. у Дюканжа, *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*, s. v.

² August., *Enar. in psalmo 132*, 6.

³ Joh. Cassian., *De sarabaitarum principio et conversatione*, *Collat.*, XVIII, 7, «*Sanct. patr. opuscula selecta*», ed. H. Hurter, t. III, стр. 575—578.

⁴ Joh. Cassian., *Collat.* XVIII, 8 стр. 578.

⁵ Paulin., *Carm.* XIII, (Paulini, episcopi Nolani, *Opera*, ed. 1622, стр. 490).

⁶ Hieronym., *Epist.* 22, *De custodia virginitatis*. *Remobothae*—еврейское слово, соответствующее латинскому *genuitae*, т. е. отвергающие правила монашеского общежития.

⁷ Нил Синайский, письмо III, 106, «Творения св. отцов в русском переводе», т. 33, М., 1859, стр. 268.

от 403 г. (канон 93), Трулльского собора (канон 42), Халкедонского собора 451 г. (Деяние 15, канон 4) и ряда других поместных соборов, в канонах которых они фигурируют под различным названием и в том числе под названием *circumcelliones*.

Нам думается поэтому, что и в известных эдиктах Гонория от 412 г. и вандальского короля Гунериха от 484 г. под термином *circumcelliones* следует понимать именно толпы бродячих монахов, с которыми антидонатисты вели ожесточенную борьбу.

Совершенно неправ, конечно, Сомань, который, прибегая к натяжкам, усматривает под термином *circumcelliones* в эдикте Гонория от 412 г. «кочующих свободных сельскохозяйственных рабочих» и на этом ложном основании строит свою теорию аграрных отношений в Северной Африке в эпоху поздней империи¹. Но, если иметь в виду действительный социальный смысл этого термина, то должна отпасть и аргументация Н. А. Машкина в защиту его положения, что под названием *circumcelliones* в упомянутом эдикте Гонория объединены «нижние слои свободного сельского населения, поскольку сословное положение их в условиях смешанного туземного и римского населения было различным»².

Ведь не подлежит сомнению, что эдикт Гонория имел в виду только донатистов, как конфессиональную группу клириков и мирян, противостоящую ортодоксальной церкви. Эдикт не имел совсем в виду агонистиков, которые, как багауды в Галлии, квалифицировались римской юриспруденцией «разбойниками» (*latrones*) и должны были наказываться на основании существовавших общих узаконений о беглых рабах и крестьянах, выступавших с оружием в руках против общественных порядков.

Если так, то кого же еще, помимо агонистиков, мог иметь в виду эдикт Гонория, осуждавший за принадлежность к донатизму? Он мог иметь в виду только толпы бродячих монахов, которые в происходившей ожесточенной борьбе между ортодоксами и донатистами стояли на стороне последних, как это видно из многих мест Августина. И решение, которое вынес трибун и нотариус Марцеллин на Карфагенском соборе 1 июня 411 г. и которое, несомненно, легло в основу эдикта Гонория, касалось не агонистиков как таковых, а тех же буйствующих монашеских бродячих толп, которые давно известны были под названием *circumcelliones*. Марцеллин, несомненно, имел их в виду, когда выносил решение о «*circumcellionum turba*» и призывал донатистских епископов подавить и усмирить их «буйство» в своих владениях (*in praediis suis*)³. При таком понимании термина *circumcelliones*, — а оно нам кажется правильным, — употребление его в эдикте Гонория не будет находиться в противоречии с данными церковных писателей относительно агонистиков.

В век Августина бродячими монахами — *circumcelliones* была наполнена вся римская Африка, и против них так же, как и против донатистов, ортодоксы вели непримиримую борьбу. Сам Августин всячески насаждал и поощрял организацию монастырей. Он основал кинехии в Тагасте, в Гиппоне⁴, и в несколько лет монастыри мужские и женские

¹ C. S a u m a g n e, Ouvriers agricoles ou rôdeurs de celliers? Les circoncellions d'Afrique, «Annales d'histoire économique et sociale», № 27 (1934), стр. 357—368; ср. Н. М а ш к и н, Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1, стр. 82—92.

² Н. М а ш к и н, указ. статья, стр. 88.

³ «Gesta collat. Carth.», *sententia cognitoris* (M i g n e, P. L., стр. 1240).

⁴ P o s s i d., Vita Aug., 4, 6, 12, 14, 31; A u g u s t., Epist. 64, 3; 78; 83; 209, 3; Sermo 355, 1, 2; 356, 10, 15.

распространились у ортодоксов по всей северной Африке¹. Но это учреждение киновий встречало ожесточенное сопротивление бродячих монахов (*circumcelliones*), а также донатистов, которые не желали следовать за ортодоксами в новой организации монашеской жизни. Разногласия по этому вопросу приводили к большим волнениям и нередко к кровавым столкновениям, которые не были, строго говоря, связаны с выступлениями агонистиков и целями их борьбы. Августин по этому поводу около 400 г. написал «De opere monachorum», где резко порицал этих «празднолюбцев» и умолял братию киновий не следовать по пути этих «бродяг», продавцов мнимых реликвий, лжецов и шарлатанов, проступки которых, по его словам, дискредитировали ортодоксально-церковное монашество².

Вообще надо иметь в виду, что через многие сочинения Августина проходит борьба не столько против агонистиков, которых он смешивает в одну кучу с бродячими толпами монахов (*circumcelliones*), сколько против этих последних. В «Enarratio in psalmo 132» он пытается показать существенное различие, которое отделяет толпы этих *circumcelliones* от ортодоксально-церковных монахов, и противопоставляет первых последним: «пьяных—трезвым, беснующихся—благочинным, испуганных—простым духом, бродяг—братии, собранной в обитель»³. Он говорит о том, что эти монахи—*circumcelliones* пьяными толпами днем и ночью бродят с непотребными женщинами, предаваясь вместе с ними дикому разврату⁴, что, очевидно, не имеет никакого отношения к организации и движению агонистиков. Во втором письме к Макробию, донатистскому епископу Гиппона, Августин проводит ясное различие между действиями монахов-циркумцеллионов, пренебрегающих государственными законами, и действиями «сельчан, которые дерзко восстают против своих владельцев, и беглых рабов, которые не только убегают от господ, но и угрожают им,—и не только угрожают, но и грабят их»⁵.

Следует поэтому при характеристике движения агонистиков учитывать действительный социальный смысл термина *circumcelliones* и строго различать выступления бродячих толп монахов, этого деклассированного элемента, переполнявшего в то время города и селения римских провинций, от классовой борьбы угнетенных масс римской Африки, обозванных циркумцеллионами, но выступавших под названием агонистиков—традиционным названием членов раннехристианских демократических общин. Отождествлять агонистиков с бродячими монахами, как это делают некоторые исследователи⁶, по нашему мнению, исторически неверно, так как это два разных явления, выросших из разных социальных корней, не имеющих ничего общего между собой. Ведь термин *circumcelliones*, принятый в западной церковной литературе IV—V вв. для обозначения бродячих монахов, существовал еще в эпоху Карла Великого⁷, но никто не скажет, что в это время еще действовали африканские агонистики.

¹ August., Epist., 48; 211; 214—216; Possid., Vita Aug., 12.

² August., De opere monach., 36.

³ August., Enar. in psalmo 132, 6.

⁴ August., Enar. in psalmo 132, 3, 6; cp. Contra. Parm., II, 9, 19.

⁵ August., Epist., 108, 6, 18.

⁶ См. F. Ribbeck, указ. соч., стр. 122—123; Bindemann, указ. соч., стр. 363; D. Völter, указ. соч., стр. 42 и сл.; von Nathusius, Zur Charakteristik der Circumcellionen des IV-en und V-en Jahrhunderts in Afrika, 1900; F. Ferrère, La situation religieuse de l'Afrique romaine, Paris, 1897, стр. 157.

⁷ См. у монаха Sangallens., De Carolo Magno, I, 8: cum autem itinerando venisset Carolus ad quamdam grandem basilicam, et quidam clericus de circumcellionibus ignarus disciplinae Caroli in chorum ultro intraret...